

Журавлева Алена Владимировна

ОСОБЕННОСТИ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

В статье анализируются особенности этических воззрений русского философа К. Н. Леонтьева. Отмечается, что традиционно исследовательский интерес к этическому пласту творчества философа невысок. Это неоправданно, поскольку именно в этике содержится то мировоззренческое ядро, которое помогает понять политические, историко-культурные и даже религиозные воззрения К. Н. Леонтьева. Обосновывается идея о том, что "эсхатологическая этика" является наиболее адекватным термином для нравственных исканий философа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 58-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Анфимов А. М.** Крупное помещичье хозяйство европейской России. М.: Наука, 1969. 394 с.
2. **Ковалев С. Н.** Отечественная историография помещичьего хозяйства России: дисс. ... к.э.н. М., 1998. 194 с.
3. **Литуев В. И.** Дворянская земельная собственность в рыночных отношениях пореформенной России: автореф. дисс. ... д.э.н. М., 1998. 39 с.
4. **Материалы по статистике движения землевладения в России.** СПб.: Тип. М.П.С., 1909. Вып. XVII. 63 с.
5. **Романов Н.** Движение земельной собственности в Тамбовской губернии за 1866-1886 гг. Тамбов: Губернская земская типография, 1889. 92 с.
6. **Юровский Л. Н.** Оскудевающее дворянство // Русские Ведомости. 1913. 7 декабря. № 282. С. 2-3.

**MOBILIZATION OF LAND POSSESSIONS OF TAMBOV PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Zhitin Ruslan Magometovich, Ph. D. in History
Topil'skii Aleksei Gennad'evich
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
istorik08@mail.ru; a-topil@yandex.ru

The work is devoted to the movement of land property of Tambov province in the post-reform period. The dynamics of the mobilization of land possessions, the territorial specificity of redistribution of areas among estates, the causes of growth and fall in the rates of purchase and sale, the most stable categories of land ownership are analyzed. The results of the work show significant changes in the structure of the landownership of the province, the instability of noble property in the region, the concentration of resources in the hands of large owners.

Key words and phrases: land-lordly land property; economic history; agrarian market; land mobilization; Tambov province.

УДК 101.3

Философские науки

В статье анализируются особенности этических воззрений русского философа К. Н. Леонтьева. Отмечается, что традиционно исследовательский интерес к этическому пласту творчества философа невысок. Это неоправданно, поскольку именно в этике содержится то мировоззренческое ядро, которое помогает понять политические, историко-культурные и даже религиозные воззрения К. Н. Леонтьева. Обосновывается идея о том, что «эсхатологическая этика» является наиболее адекватным термином для нравственных исканий философа.

Ключевые слова и фразы: этика; эсхатология; смерть; христианство; спасение; прогресс; консерватизм; критика гуманизма; трансцендентный эгоизм.

Журавлева Алена Владимировна

Московский православный институт святого Иоанна Богослова
jur.a@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Интерес к философскому наследию оригинального русского мыслителя К. Н. Леонтьева сегодня необычайно высок. На наших глазах происходит восстановление исторической справедливости по отношению к одному из виднейших представителей русской философской культуры. Неузнанный, непонятый, несвоевременный, неприятный, неизвестный – этот ряд, свидетельствующий о прижизненном положении философа, можно продолжать.

Однако сегодня положение дел радикально изменилось: большое количество статей, монографий, диссертаций, конференций посвящены различным аспектам идейного наследия этого незаурядного человека. Творчество К. Н. Леонтьева исследуется философами, историками, филологами, социологами, культурологами, политологами и др. Следует отметить таких исследователей К. Н. Леонтьева, как В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко [13], О. Д. Волкогонова [4], Д. М. Володихин, А. В. Репников, А. А. Корольков, К. М. Долгов, Л. Р. Авдеева, С. В. Хатунцев, Д. Е. Муза [9], В. И. Косик, способствовавших воссозданию подлинного облика мыслителя в исторической перспективе.

При этом необходимо сказать, что значительная работа по возрождению творческого наследия К. Н. Леонтьева происходит сегодня преимущественно в контексте *философии консерватизма*. Здесь определяющей является политическая и культурологическая реконструкция политических воззрений мыслителя. Это не удивительно, поскольку политические идеи философа относительно исторического бытия России носят большой прогностический характер, актуальный для понимания кризисных процессов современной культуры: «... жизненный и интеллектуальный опыт К. Н. Леонтьева отражает многие из тех проблем, которые актуальны и для сего дня» [7, с. 51].

В этом контексте такие титулы Леонтьева, как «политический философ», «философ консерватизма» или просто «политический мыслитель» вполне оправданы. Известный польский историк русской мысли А. Валицкий назвал Леонтьева «наиболее оригинальным мыслителем крайне правого крыла в девятнадцатом веке» [3, с. 66]. При этом мы полагаем, что не совсем справедливо трактовать взгляды К. Н. Леонтьева исключительно в политическом и социологическом контексте, полагая, что его крайне-правые, государственно-монархические и консервативные идеи вполне выражают его духовный облик.

Не отрицая всей значимости Леонтьева как политического мыслителя, мы все же считаем, что он является также крупным самобытным философом с ярко выраженной этической доминантой. Для понимания своеобразия этических взглядов К. Н. Леонтьева необходимо их рассматривать в контексте «эсхатологической этики», границы, сущность и смысл которой наиболее полно раскрыты Н. А. Бердяевым в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». Философ показал уровень вопрошаний, соответствующий эсхатологической направленности. Прежде всего, это предельные вопросы, которые не ставятся в контексте академической этики, но суть которых в том, что они раскрывают этос национального философствования.

Нужно отметить, что этика в эсхатологических построениях Леонтьева часто оказывается незамеченной, поскольку эсхатологическая доминанта гораздо очевиднее этической. И, как правило, пишущие о Леонтьеве отмечают «мрачные» тона его эсхатологических воззрений. Так, Ю. П. Иваск говорит про Леонтьева, что «в его пестром эстетизме, странно совмещавшемся с **мрачной эсхатологией** (выделено автором статьи. – А. Ж.), находили нечто декадентское» [6, с. 498]. В то же время этот эсхатологизм не носил того фатального характера мироотрицания, о котором говорил А. Швейцер, характеризую западный пессимизм как упадок культуры. Леонтьев противоречив, и жизнелюбивый настрой никогда не покидал его.

Достаточно радикально об эсхатологизме Леонтьева высказался С. Н. Булгаков по поводу 25-летия со дня кончины К. Н. Леонтьева (13 ноября 1916 года): «Наряду с проповедью страха выступают с резко четкостью и **мрачные эсхатологические тона** (выделено автором статьи. – А. Ж.), безнадежное безразличие ко всему земному, ибо все пройдет с шумом. Такая вера в скорость конца и непрочность всего живого была у первых христиан, но для них она являлась источником радости и света, не страха и разочарования. Поэтому невольно в леонтьевском эсхатологизме слышится и личное разочарование, и надорванность: с раненым сердцем и подстреленными крыльями пришел он к вратам обители и искал там силы не столько для жизни, сколько для близко уже надвинувшейся смерти» [2, с. 386-387].

Еще в более радикальных тонах об эсхатологизме Константина Леонтьева говорит Н. А. Бердяев, истолковав его взгляды как «сатанинское» христианство. Он считал, что для «Леонтьева христианство не есть религия любви и радостной вести, а мрачная религия страха и насилия» [1, с. 220]. Соответственно, все акценты – на пессимистических предсказаниях, являющихся предсказаниями о конце земного существования, в котором невозможно Царствие Божье.

Такие порой резкие оценки мировоззрения К. Н. Леонтьева, данные видными русскими религиозными философами, в определенной степени оправданы. Таково доведенное до крайних пределов христианское отчаяние, пессимизм и неверие в преображение жизни и культуры. В тоже время это соответствует неким библейским сентенциям, которые, как известно, могут трактоваться весьма различным образом. Но в любом случае эсхатологизм прирожден христианству, его изначальной сути.

Леонтьев направляет усилия на перенос духовной энергии в *личный план спасения*. Сам философ говорит об этом так: «Христос не обещал нам в будущем воцарения *любви и правды на этой земле*, нет! Он сказал, что “под конец оскудеет любовь...” Но мы лично должны творить дела любви, если хотим себе прощения и блаженства *в загробной жизни* – вот и все» [8, с. 173]. А в письме к В. В. Розанову он высказывается еще более определенно: «Христианство личное есть прежде всего *трансцендентный* (не земной, загробный) *эгоизм*. *Альтруизм* же сам собою “приложится”. “Страх Божий” (за себя, за свою *вечность*) есть начало премудрости *религиозной*» [11, с. 329-330].

Не только философам прошлого был замечен гипертрофированный эсхатологизм Леонтьева, об этом пишут современные исследователи. Так, В. Н. Назаров назвал религиозные воззрения К. Н. Леонтьева «*этикой трансцендентного эгоизма*». Характеризуя данный тип этики, представленный в большей мере у Леонтьева, В. Н. Назаров отмечает: «...гуманность в понимании Леонтьева не есть любовь к человечеству во имя всеобщего благоденствия и всемирного братства, но акт мистической веры в загробное спасение *личной души*. Это позволяет охарактеризовать христианский спиритуализм Леонтьева и как *этику трансцендентного эгоизма*» [10, с. 97].

Д. Е. Муза пишет: «Бесспорно, что в мировоззрении К. Н. Леонтьева эсхатологический мотив составляет важнейший компонент, причем соотносительный с учением о христианском Откровении» [9, с. 147]. Л. Н. Столович, указывая на особо острое эсхатологическое мироощущение Леонтьева, замечает и существенное противоречие, связанное с этим мироощущением. Он пишет в «Истории русской философии»: «...у Леонтьева была своя логика. Да, утверждает он, “*все здешнее должно погибнуть*”. Да, на земле никакое спасение невозможно – оно осуществимо только в загробной жизни. Но как приятен момент земной жизни! Как страстно молил больной консул Божию Матерь, чтобы она подняла его с одра смерти!» [12, с. 161].

Данное противоречие составляет экзистенциальную драму мыслителя, переживавшего на своей собственной жизни (не в тексте, как многие кабинетные ученые, но непосредственно в живой жизни, у края пропасти, на смертном одре) это *неустранимое противоречие между жаждой жизни и тщетностью жизни*. Это очень глубокий уровень той нравственной философии, которая отличает отечественную философскую культуру.

В свете эсхатологических воззрений К. Н. Леонтьева становится понятен смысл «преодоления этического», которое является не отрицанием морали как таковой, но критикой наличной (мещанской, буржуазной) морали, провозглашением более возвышенной системы ценностей. В более точном смысле, это не отрицание морали, а борьба за подлинную мораль. В этом смысле оценка В. В. Зеньковского, назвавшего Леонтьева именно моралистом [5, с. 260], не кажется преувеличением.

В своих письмах В. В. Розанову с комментариями последнего достаточно полно раскрывается смысл «преодоления этического» у Леонтьева как одной из главных особенностей его эсхатологических воззрений. О своей идее «трансцендентного эгоизма» он говорит, что собственно «*мерило положительной религии*» может быть приложимо только непосредственно к конкретному человеку, исповедующему христианству, и оно может быть применимо, например, к китайцам. Из этих слов видно, что «трансцендентный эгоизм» как основание индивидуальной религиозности имеет самодовлеющее значение, и не перекрывается эстетическим универсализмом. Этим же критерием перекрывается и мораль, в которой, как и в религиозности, нет того универсализма, который присущ эстетическому.

Далее Леонтьев совершает сущностное выделение *двух типов морали*, которое позволяет увидеть истинный смысл его «преодоления этического». Это «*мораль внутренней борьбы*» и мораль «*внешнего результата*». Это напоминает разделение Ницше на два типа морали: «мораль рабов» и «мораль господ», при всем их несходстве. Главное, что русский философ первый совершает сущностное разделение внутри морали, тем самым разрушая иллюзию единства, которое поддерживается за счет подавления внутреннего внешним.

Второй тип морали – «мораль внешнего результата», который в терминологии Ницше можно было бы обозначить как «мораль рабов», есть разрушительное явление, приводящее к упрощению и смещению. Именно с этим типом морали и борется Леонтьев, и его «преодоление этического» можно объяснить как преодоление внешней морали осуществления. Такая мораль – основа утилитаризма, против которого всегда выступал Леонтьев, предлагая эстетический критерий как неутилитарный. В таком контексте его «моральная эстетика» и есть своего рода эстетическая этика, которая преодолевает утилитаризм эстетически. В сущности, такова есть этическая задача, и в этом смысле взгляды Леонтьева с полным правом можно охарактеризовать как этические.

Вообще, область эстетического – достаточно тонкая грань, на которой балансируют этические понятия. Очевидно, что у Леонтьева присутствует пафос, традиционный для русской философской мысли в целом: борьба с моралью как социальной конвенцией во имя нравственной правды как истинного духовного и метафизического критерия. В русской религиозной философии это получило специфическое название «смысл жизни», в своей семантике нетождественное европейским эквивалентам данного понятия (английские: *meaning of life, sense of life*; немецкий: *Sinn des Lebens*). Поиск смысла жизни есть особая духовная задача человека, по сути, делающая человека человеком. Безотносительно к результату этого поиска важен сам *процесс поиска*, наполняющей жизнь если и не субстанцией смысла, то, по крайней мере, субстанцией поиска смысла. Такова отличительная особенность русской философии, к которой не могут не принадлежать ее выдающиеся представители.

Определенную кульминацию эсхатологической этики как преодоления этического можно найти в «безумных» афоризмах Леонтьева, в которых он в максимально концентрированном виде выразил сущность своего мировидения. Наиболее показателен в этом плане четвертый «безумный афоризм», в котором максимально представлено эсхатологическое мироощущение: «И Церковь говорит: “*Конец приблизится, когда Евангелие будет проповедовано везде*”» [11, с. 375].

Это один из самых парадоксальных и противоречивых моментов в диалектике религиозного сознания. Христианство само приближает конец через свою проповедь, которая уменьшает живительное разнообразие мира, что ускоряет его гибель. То есть само христианство вместе с европейским прогрессом убивают жизнь. И об этом говорит, пророчествуя, Церковь.

И пятый тезис Леонтьева звучит совершенно в логике его эсхатологического мироощущения: «Что же делать? Христианству мы должны помогать, даже и в ущерб любимой нами эстетике, из трансцендентного эгоизма, по страху загробного суда, для спасения наших собственных душ, но прогрессу мы должны, где можем, противиться, ибо он одинаково вредит и христианству, и эстетике» [Там же].

Иными словами, согласно логике Леонтьева, вопреки всему, что поддерживает жизнь (эстетика), необходимо стремиться к тому, чтобы мир как можно скорее подошел к своему концу. Конечно, это – мироотрицание, но, принимая во внимание всю полноту биографии и творчества Леонтьева, необходимо сказать, что это все же радикальная *критика относительности земных ценностей*, невозможность строить на них более-менее прочную основу социальной жизни. И это действительно парадокс, но парадокс уже гуманизма и либерализма, который как раз и стремится к упрочению этого мира, к построению «Царства Божьего на земле». Но, предупреждает Леонтьев, на абсолютизированных ценностях конечного мира ничего не построишь. И в этом глубокое значение эсхатологического мировоззрения, которое является антиутопическим по своей сути.

Именно в этом контексте возникает неприятие прогресса у К. Н. Леонтьева, неприятие, в котором намечаются главные направления последующей экологической этики. В XX веке о серьезных духовных и этических проблемах, возникших по почве развития техники и технологий, говорили самые значительные философы, среди которых Й. Хейзинга, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Йонас, Хосе Ортега-и-Гассет и др. Естественно, этот вопрос волновал и русских философов, прежде всего, Н. А. Бердяева и И. А. Ильина, которых можно считать последователями Леонтьева в этом вопросе.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Мы полагаем, что именно этические воззрения и представляют собой основу единства всех уровней мировоззрения Леонтьева, в большей степени проявленных в религиозной, политической и эстетической плоскостях. Именно этика связывает эти разнородные начала, образуя внутреннюю цельность взглядов Леонтьева, несмотря на их пестроту, мозаичность, бессистемность. Все они проникнуты духом эсхатологической этики, которая как раз и характеризуется *презрением к чистой этике и преодолением этического*, представляя собой полноценный вариант критической философии.

При этом данный тип этического дискурса не является исключительно критическим, но содержит в себе позитивную программу, заключающуюся не в тотальном мироотрицании, что свойственно этическому нигилизму и пессимизму, но *в ограничении утопической по своей сути гуманистической этики*. Эсхатологическая этика скептически не вообще к бытию, но к посюстороннему бытию, по отношению к которому действуют никогда себя не оправдывающие либеральные принципы прогресса.

И *презрение к чистой этике* и сам акт *преодоления этического* у Леонтьева носят характер нравственного делания. Это – парадоксальным образом *нравственное преодоление этического*. Суперценностью для Леонтьева является эсхатологический предел, в свете которого земные относительные ценности (в том числе и мораль светского общества, по своей сути либеральная и гуманистическая) теряют всякое значение. Главное для Леонтьева – не столько *утверждение положительных религиозных ценностей* (как для большинства религиозных мыслителей), сколько *отрицание относительных конечных мирских ценностей*, составляющих содержание гуманистической этики.

В целом эсхатологическая этика Леонтьева одержит в себе позитивную основу, которая позволяет заниматься обустройством наличного плана бытия. Поэтому не случайно всю свою жизнь философ так страстно интересовался политико-социальными вопросами. И как результат – значительный интерес к его политическим воззрениям в философии современного российского консерватизма.

Несмотря на сильную эстетическую доминату взглядов, как носитель определенного нравственного мироощущения, К. Н. Леонтьев принадлежит к магистральной этикоцентричной линии русской философии, являясь одним из виднейших ее представителей. Как только мы смотрим на Леонтьева исключительно через призму политических построений, то уходит вся его глубина и оригинальность, и он превращается лишь в крайне правого выразителя «палочного режима», у которого находится лишь «сластолюбивый культ палки» (И. С. Аксаков).

Список источников

1. Бердяев Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2-х кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 208-235.
2. Булгаков С. Н. Победитель – Победенный (судьба К. Н. Леонтьева) // К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2-х кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 376-393.
3. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 576 с.
4. Волкогонова О. Д. Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013. 453 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2-х т. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. 222 с.
6. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831-1891) // К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2-х кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 229-650.
7. Ионайтис О. Б. С. Н. Булгаков о К. Н. Леонтьеве // Философское образование. 2006. № 14. С. 48-52.
8. Леонтьев К. Н. Наши новые христиане // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 9. С. 165-226.
9. Муза Д. Е. Константин Николаевич Леонтьев. Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М.: ЛЕНАНД, 2015. 168 с.
10. Назаров В. Н. История русской этики. М.: Гардарики, 2006. 319 с.
11. Письма К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову с комментариями Розанова // Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 329-395.
12. Столович Л. Н. История русской философии: очерки. М.: Республика, 2005. 495 с.
13. Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века. СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.

THE PECULIARITIES OF K. N. LEONTIEV'S ESCHATOLOGICAL ETHICS

Zhuravleva Alena Vladimirovna
St. John the Theologian's Moscow Orthodox Institute
jur.a@bk.ru

The article analyzes the features of the ethical views of the Russian philosopher K. N. Leontiev. It is noted that traditionally the research interest to the ethical stratum of the philosopher's creative work is low. This is unjustified, since it is in ethics that the ideological core is contained that helps to understand the political, historical, cultural and even religious views of K. N. Leontiev. The study substantiates the idea that "eschatological ethics" is the most adequate term for the moral searches of the philosopher.

Key words and phrases: ethics; eschatology; death; Christianity; salvation; progress; conservatism; criticism of humanism; transcendent egoism.